

ТЕЗАУРУСНЫЙ ПОДХОД В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

DOI: 10.17805/zpu.2017.3.12

Культурно-коммуникативные формулы в рамках тезаурусного подхода

Н. А. ЗАВЬЯЛОВА

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ

Б. Н. ЕЛЬЦИНА, г. ЕКАТЕРИНБУРГ

Культурно-коммуникативная формула (ККФ) в статье трактуется как языковая универсалия, прецедентный текст, существующий в культурном коде. Она в целом представляет собой общие символы, манифестирующие социокультурную динамику. Обосновывается такое понимание фразеологии, которое опирается на тезаурусный подход, подразумевающий субъектную организацию знания и идею понимания социально значимой информации.

Анализируются ККФ Китая, Японии, Великобритании, США и России. Сопоставление проводится по принципу социумов островной («талассократической») и континентальной («теллурократической») культур. Показано, что ККФ выполняет целый ряд социально значимых функций: семиотическую функцию знака, транслирующего социально значимый опыт представителями разных поколений; функцию единицы культурного кода, фиксирующей паттерны поведения, общественные нормы, культурные образцы; компонент социализации и инкультурации; компонент репрезентации социальной идентичности; функцию транслятора идеологической «надстройки» в виде лозунгов; функцию детерминации социальных практик путем спецификации социальных групп по территориальному, гендерному, возрастному, профессиональному признаку; функцию рекурсивности социального опыта, реализуемую путем кумуляции и трансляции социально значимых знаний; ряд функций, обусловленных современной коммуникацией: информирующая, просветительская, регулятивная, социально-манипулятивная, нормативная, рекреационная; адаптивную функцию стереотипного ориентира.

Учитывая транспарадигмальный характер современной науки, автор подчеркивает, что применение в теории тезаурусно-информационного подхода к анализу коммуникативных формул позволит представить все многообразие данного феномена в упорядоченном структурированном виде. Это существенно облегчит понимание сложных культурных явлений повседневности, отраженных сквозь призму коммуникации.

Ключевые слова: культурно-коммуникативные формулы; фразеология; социокультурное пространство; тезаурусный подход; культурология

ВВЕДЕНИЕ

Универсальные и специфические черты — источник споров мыслителей с древнейших времен. Неоплатоник Порфирий (III в.), христианский платоник Боэций (IV в.), Аристотель, Иоанн Скот Эриуген, Ансельм Кентерберийский и многие другие мыслители в разное время уделяли внимание данным вопросам. При всей кажущейся про-

стоте данного явления уже Ф. Аквинский (XIII в.) указывал на сложную природу универсального.

Используя терминологию математически ориентированного естествознания, Р. Декарт, Б. Спиноза, Г. Лейбниц, И. Ньютон относили к универсалиям «числа», «функцию», «переменную», «бесконечно малую величину». В рамках натурализма У. Куайн определяет универсалии как лишённые онтологически детерминированного содержания общие термины, имена. Развивая лингвистическое направление в изучении универсалий, И. Ф. Вардуль видит в них релевантные свойства языков и отношений между ними. О. Есперсен выдвигает концепцию универсалий как «внеязыковых категорий», стоящих за грамматическими структурами. Наконец, Н. Хомский говорит об универсалиях как о транслируемых дискурсивных моделях языкового перформанса.

В условиях современного глобального общества все чаще звучат мнения о разрушительной силе универсализма, реализуемого в рамках модели американской демократии. «Универсализм вызывает антипатию и потому, что стремится к экспансии, к своему полному претворению на практике... Универсальная идея намекает на силовое решение проблемы. И в этом смысле она источает опасность, пугает, отталкивает, а не привлекает» (Ильинский, 2002: 76–77).

Полученный срез красноречиво свидетельствует о том, что взгляды на универсальные явления можно расценивать как характеристики повседневности, опосредованные *господствующими в данный момент в социокультурном пространстве нарративами*. Изучая универсалии в контексте нарративов, мы выходим в плоскость языка и культуры. Трансляция культурно значимой информации происходит посредством речевого взаимодействия.

Возникает закономерный вопрос о том, какие языковые единицы несут на себе *наибольший отпечаток культурного опыта*, анализ которого позволит сформулировать *универсальные черты развития* общества. По нашему мнению, данным критериям удовлетворяют произведения фольклора, фразеология, пословицы и поговорки. Повторяющиеся фрагменты носят универсальный характер, поскольку в любом языке существуют устойчивые лексические конструкции, которые регулярно воспроизводятся для экспликации замысла говорящего.

Британский социолингвист А. П. Кауи (А. Р. Cowie) выделяет пять специальных каналов, по которым культура соотносится с языком, а именно: культурные семы, культурные концепты, культурные коннотации, культурный фон и дискурс (Cowie, 1988: 58). При этом он указывает на ведущую роль *идиоматики (фразеологии)*, задействованной в культурных коннотациях, которые, в свою очередь, по мнению А. П. Кауи, являются главным культурным каналом в языке, репрезентированным в стереотипах и мифах: «Коннотация играет ведущую роль в коллокациях с ограниченной сочетаемостью или идиомах. В последних она активизирована в культурной информации, закреплённой за основной базой идиомы (как правило, существительным), а также семантической специализацией присоединяемого компонента (обстоятельства)» (там же: 9).

Для анализа языковых культурных универсалий мы обращаемся к языковой духовной культуре, зафиксированной в знаковой форме, устойчивых конструкциях, коммуникативных формулах, идиомах, фразеологии. Традиционно фразеология рассматривается лингвистикой: «Фразеология — сравнительно молодая лингвистическая дисциплина. С одной стороны, она бурно развивается в русле основных лингвистических направлений. С другой — многие вопросы фразеологии до сих пор не имеют однозначного решения» (Фесенко, 2009: 136–137). Однако в рамках нашего исследо-

вания мы выдвигаем иной дисциплинарный статус фразеологии. Мы рассматриваем фразеологию как науку о господствующих в социуме нарративах, репрезентированных в *культурно-коммуникативных формулах (ККФ)*, выступающих в роли *общих символов, манифестирующих социокультурную динамику*. Эта статья имеет целью обосновать такое понимание фразеологии, используя для этого тезаурусный подход, который принят в современной культурологии (Луков В., Луков Вл., 2013; Костина, 2008; Захаров, 2008; Кузнецова, 2012; Ламажаа, 2012).

КУЛЬТУРНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ФОРМУЛЫ КАК УНИВЕРСАЛИИ

По своей сути ККФ сами являются *языковыми универсалиями*, так как *в любом языке существуют устойчивые повторяющиеся словесные конструкции*. По мнению ведущих фразеологов, за пределами фразеологии как раздела лингвистики находятся выражения, не обладающие налетом старины (Алефиренко, Семененко, 2009: 6). За пределами фразеологических словарей оказались выражения, маркирующие острейшие фрагменты повседневности.

Термин «фразеологическая единица» ограничен привязкой к прошлому, исключая при этом связь с настоящим. Отметим, что в языкознании разработана теория *прецедентных текстов* (Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Д. Б. Гудков, Л. В. Дубовицкая, В. Г. Костомаров, В. В. Красных, Е. А. Нахимова). Однако в самом феномене прецедентности мы склонны видеть не столько лингвистическую составляющую, сколько *культурную и психологическую, социальную*, поскольку *прецедентность, повторяемость* обеспечиваются обществом, а не системой языка как таковой. Главный вопрос, которым задается исследователь прецедентных тестов, звучит следующим образом: «Почему люди склонны повторять одни тексты и передавать их из поколения в поколение, а другие нет?» Думается, что ответ на данный вопрос лежит в плоскости целого комплекса гуманитарных наук, а вовсе не в рамках языкознания.

В поле нашего зрения включены также явления, которые обладают огромным культурным потенциалом, имеют устойчивую структуру, но *не учитываются* лингвистической фразеологией. Так, посредством заученных культурно-коммуникативных формул (идиом, песен, слоганов) англосаксонские культурные паттерны встраиваются в сознание населения глобализирующегося мирового сообщества. В эпоху электронной коммуникации данный процесс приобрел огромные масштабы. Культурная диффузия, осуществляемая при помощи культурных агентов — культурно-коммуникативных формул, представляет огромное поле для исследования. Это воздействие осуществляется на тонком уровне рекреационной культуры, когда сознание расслаблено и настроено на получение положительного опыта. В этот момент посредством предъявления «престижных» западных образцов англосаксонские культурные паттерны встраиваются в поп-культуру и находят своих ценителей по всему миру.

В своей работе «The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology» («Смыслы социальной жизни») Дж. Александер, описывая социальное конструирование образа Холокоста, анализирует языковые знаки и коммуникативные формулы, позволившие сформировать в сознании англоязычного мира понимание Холокоста как явления, противоречащего основам морали, гуманизма и нравственности. При этом автор обращает внимание на то, что репрезентация данного явления в общественном сознании прошла долгий путь от распространенного выражения *atrocities of war* (зверства, ужасы войны) до выражения с повышенным экспрессивным потенциалом из Нового Завета *the dominant evil of our time* (главное зло нашего времени). Оба высказывания

являются устойчивыми ККФ. При этом автор удачно формулирует суть анализируемого коммуникативного явления, задавая вопрос: «Кто контролирует “производство символов”?» (Alexander, 2003: 32). Исследователь предполагает, что Холокост как символ возник только благодаря тому, что освободившие пленных союзные войска наделили данный фрагмент действительности высоким статусом исторического символа: «...если бы Союзники не победили в войне, идея “Холокоста” никогда бы не была открыта» (там же). Исторически парадокс заключается в том, что в настоящее время Холокостом нередко называют действия израильтян в отношении палестинцев в Секторе Газа (Hoffman, Lieberman, 2002).

Дж. Александер обращает внимание на то, что история постоянно нуждается в *символических репрезентациях и символах*, понятных каждому: «История не ждет. Она требует производства репрезентаций, и они будут произведены... Даже в целом незнакомое будет сделано знакомым» (Alexander, 2003: 33). Обратим внимание на важнейший вывод, к которому приходит автор: «*То, что произошло раньше* наиболее важно для культурного процесса кодирования, оценивания и повествования» (там же; курсив мой. — Н. З.).

На наш взгляд, особую ценность для философии культуры, составляющей культурный портрет нации, представляют языковые знаки, *употребляемые большинством*. При этом подобные знаки не должны ориентироваться на высококонцептуальную культуру отдельных интеллектуалов, что необходимо для анализа нации как совокупности индивидов со средним и низким уровнем интеллекта. Поэтому для анализа национального мышления следует отбирать такие единицы, разновидности которых встречались бы в различных стилистических регистрах: *от языка научного анализа до просторечий и даже ненормативной лексики*. Думается, что культурно-философский и антропологический анализ ККФ способен выявить совокупность релевантных социокультурных проблем.

КУЛЬТУРНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ФОРМУЛЫ КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Устойчивые коммуникативные формулы востребованы различными субкультурами. Известный российский ученый Б. Ю. Норман с тревогой говорит о проблемах современного русского языка, отраженных в языке молодежной субкультуры пользователей Интернета, обращая при этом внимание на новые молодежные коммуникативные формулы: «Переход к массовому использованию компьютеров ударил по нормам орфографии и пунктуации, казавшимся до тех пор незыблемыми. <...> молодые люди с удовольствием пишут друг другу по электронной почте: “Превед!” вместо “Привет!” и “Атски жжет!” вместо “Адски жжет” (т. е. “сильно задевает”). <...> в этом “самодельном” языке сложилась своя культура, своя идеология» (Норманн, 2011: 4–5).

Поскольку культурная идентичность подразумевает самореализацию личности не только в нормативных аспектах, то к проявлениям культурной идентичности следует отнести и устойчивые обороты с использованием ненормативной лексики.

Культурно-коммуникативные формулы и их авторские преобразования вышли на первый план в современных условиях огромной популярности электронных СМИ. Исследователь Ф. И. Минюшев указывает на то, что обеспечить данный канал коммуникации способны только знаковые системы: «Посредником между человеком и виртуальной реальностью являются знаковые системы с их значениями (слово, письмо, образ, символ, язык жестов). Они являются, к сожалению, своеобразным фильтром,

пропускающим в зону Интернета лишь представителей письменной и постписьменной (информационной) цивилизаций» (Минюшев, 2009: 223).

Современная электронная коммуникация характеризуется следующими важнейшими трансформациями:

- трансформация коммуникативных процессов и содержания в цифровые, мобильные, виртуальные и персональные технологии;
- трансформация сложных технологических процессов в простые и управляемые непосредственно пользователем;
- трансформация вертикальной иерархической социальной организации коммуникативного процесса в горизонтальную, сетевую структуру с одноуровневыми связями;
- отказ от аналоговых медиа, в механизм функционирования которых были встроены ограничения объема доступного медиаконтента.

В результате трансформаций происходит усложнение медиасреды, изменение принципов взаимодействия медиа с аудиторией, меняются паттерны медиапотребления.

В настоящее время аудитория имеет возможность формировать собственный канал для просмотра, пользуясь при этом сразу несколькими экранами. При этом меняется и режим просмотра. Если в прошлом зрители внимательно следили за развитием сюжета на единственном экране, то современный просмотр носит фоновый характер, при этом возрастают индивидуализация потребления и число каналов. Однако наряду с пассивным просмотром можно констатировать и рост активного типа просмотра информации по интересам. В данных условиях производители медиаресурсов соревнуются за внимание аудитории, предлагая, с одной стороны, простую для восприятия продукцию, с другой стороны, данная продукция должна быть броской, запоминающейся, апеллирующей к глубинам подсознания.

В рамках коммуникативного направления следует говорить о том, что фразеология задействована в целом ряде важнейших функций: информирующей, описывающей происходящие вокруг события; просветительской, транслирующей социально значимую информацию; регулятивной, транслирующей нормативную информацию; социально манипулятивной, заключающейся в стремлении управлять аудиторией; рекреационной функцией развлечения.

Фразеология зачастую играет роль *системы адаптации человека к окружающей среде, являясь своеобразным универсальным ориентиром* в современном бескрайнем потоке информации. Американский психолог Р. Чалдини указывает на постоянно возрастающую роль стереотипов в современном культурном пространстве (Чалдини, 2014: 19–20). Он пишет: «Мы подвергаемся воздействию стереотипов с раннего детства, и они на протяжении всей жизни так неотступно преследуют нас, что мы редко постигаем их власть» (там же: 24).

ККФ, характерные для того или иного места, диалекта, говора, способны выступать яркой иллюстрацией представителей социума, использующего тот или иной языковой код. Передавая *территориальные* лингвистические различия, многие авторы нередко используют ККФ в качестве *косвенной* характеристики персонажей, наделяя их реалистичными вербальными чертами.

В рамках данной работы мы анализируем ККФ Китая, Японии, Великобритании, США и России. Сопоставление проводится по принципу социумов островной («талассократической») и континентальной («теллурократической») культур. Британцы (их наследники американцы) и японцы — носители островной культуры, а русские и китайцы — континентальной.

Исходя из критерия сложности и социальной значимости информации, репрезентируемой фразеологией, культуры дифференцируются на элитарную (язык научного и художественного анализа), народную (язык фольклора), массовую (язык, ориентированный на широчайшие слои населения). Фразеология обильно представлена во всех данных видах культуры.

Рассмотренные социально значимые аспекты культурно-коммуникативных формул позволяют выделить следующий набор их функций:

- семиотическая функция знака, транслирующего социально значимый опыт представителями разных поколений;
- функция единицы культурного кода, фиксирующей паттерны поведения, общественные нормы, культурные образцы;
- компонент социализации и инкультурации;
- компонент репрезентации социальной идентичности;
- функция транслятора идеологической «надстройки» в виде лозунгов в рамках материалистической концепции философии;
- функция детерминации социальных практик путем спецификации социальных групп по территориальному, гендерному, возрастному, профессиональному признаку;
- функция рекурсивности социального опыта, реализуемая путем кумуляции и трансляции социально значимых знаний;
- ряд функций, обусловленных современной коммуникацией: информирующая, просветительская, регулятивная, социально манипулятивная, нормативная, рекреационная;
- адаптивная функция стереотипного ориентира.

Анализ устойчивых коммуникативных формул позволяет выявить культурные и языковые универсальные тенденции. Мы делаем попытку установить общие черты в способах коммуникативного кодирования повседневности, что, на наш взгляд, будет свидетельствовать о наличии общих когнитивных планов культурных кодов России, Востока и Запада.

ТЕЗАУРУСНАЯ ТРАКТОВКА КУЛЬТУРНО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ФОРМУЛ

Ключевая идея, лежащая в основе нашей работы, состоит в применении к ККФ тезаурусного подхода, смысл которого с исчерпывающей полнотой раскрыт в монографиях и Вал. А. Лукова и Вл. А. Лукова (Луков В., Луков Вл., 2008, 2013, 2014). Тезаурусный подход, основанный на субъектной организации знания и идее понимания, оказался в данном случае предпочтительным. Он, в частности, позволил анализируемые нами единицы рассматривать как крылатые слова: «Культурные константы имеют свойство облекаться в знаковые формы, из которых особую разновидность составляют крылатые слова, широко используемые в определенном культурном ареале именно как вербальные свидетельства константных скреп культуры. Мы определяем крылатые слова как слова и устойчивые сочетания слов, которые: а) выражают обобщенное содержание, применяемое как образец, правило, идея, оценка и т. п. при характеристике широкого класса явлений, процессов, отношений, свойств и т. п.; б) признаются в рамках тех или иных культур общеизвестными, общепонятными, общезначимыми; в) являются свидетельством определенного уровня культурного развития как тех, кто использует в своей речи (устной или письменной) такие слова и словосочетания, так и тех, кто способен дешифровать эти культурные коды» (Луков Вал.,

Луков Вл., 2013: 85). Для нас чрезвычайно важна трактовка анализируемого явления как явления, аналогичного феномену мема в теории Р. Докинза (Докинз, 2013: 25), основанного на эффекте привязки посредством намеренного многократного предъявления. Однако мы считаем необходимым выделение ККФ в отдельную группу языковых мемов.

Поскольку анализ термина «фразеологизм» выявил существенные расхождения в объеме и трактовках анализируемого явления в различных национальных фразеологических школах, проведенный онлайн-опрос с термином *idiom* также выявил существенные противоречия, то с учетом всех высказанных точек зрения мы оперируем понятием *культурно-коммуникативная формула* (ККФ), которая понимается как языковая универсалия, прецедентный текст, существующий в культурном коде, состоящем из минимум двух словесных единиц (для китайского и японского — двух иероглифов), в целом характеризующийся социокультурной значимостью и устойчивостью, представляющий собой точные либо преобразованные цитаты из текстов, сгенерированных ранее. Нижний порог — две единицы (при этом один из компонентов может быть служебным). Наш дополнительный критерий — частотность, так как мы ориентированы на современные каналы коммуникации. Отметим, что подобная широкая интерпретация содержания термина ККФ позволяет нам включать в группу анализируемых явлений и песни (подобно английской *Happy Birthday*), и цитаты из фильмов, и посты из Интернета. Необходимость введения нового термина — «культурно-коммуникативная формула» — не означает наш отказ от устоявшегося в российской науке термина «прецедентный текст», мы рассматриваем данные термины как синонимы.

По нашему убеждению, большинство концепций, преследующих цель провести четкую демаркационную линию между Востоком и Западом, исчерпали свой эвристический потенциал. Многие теоретические построения, разделяющие феномены на глубоко восточные или западные, оказались несостоятельными. Здесь и раскрываются возможности тезаурусного подхода, который выявляет действительные ориентации человека в окружающей среде, не опирающиеся на искусственную терминологию при формировании модели социокультурного пространства. Исходя из положений данной теории, тезаурус представляет собой *«полный систематизированный свод освоенных социальным субъектом знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде, а сверх этого также знаний, которые непосредственно не связаны с ориентационной функцией, но расширяют понимание субъектом себя и мира, дают импульсы для радостной, интересной, многообразной жизни»* (Луков В., Луков Вл., 2013: 28–29). Существенным представляется следующее уточнение авторов данной теории: «Центральное понятие тезаурусного подхода — тезаурус. Под ним понимается структурированное представление и общий образ той части мировой культуры, которую может освоить субъект (от отдельного человека до целых народов). Следует обратить внимание на то, что тезаурус (как характеристика субъекта) строится не от общего к частному, а от своего к чужому» (Луков, Соломатина, 2005: 25). Соответственно, меняется и понимание социокультурного пространства, которое мы определяем как *совокупность тезаурусов индивидов, входящих в состав цивилизации*. Исходя из принципа герменевтического круга, мы полагаем, что исследование отдельного тезауруса представителя определенного социокультурного слоя позволяет сформировать идеи обо всем социокультурном пространстве, к которому он относится.

Наибольший интерес для нашего исследования представляют *механизмы тезаурусного расширения*, которые позволят нам описать модель социокультурного пространства на материале культурно-коммуникативных формул. Условия тезаурусного расширения посредством *наращивания новых смыслов* и их связей при условии *сохранения ядра тезауруса* и избирательности мембран тезауруса подробно изложены в статье Вал. А. Лукова и С. В. Лукова «Принцип тезаурусного расширения индивидуального межкультурного пространства» (Луков В., Луков С., 2012: 10–12). Необходимо определить важнейшую составляющую данного процесса — тезаурусную мембрану. «На границе тезауруса и окружающего информационного поля существует мощный слой внешней цензуры, которую, в отличие от цензуры внутритезаурусной, мы определяем словом “мембрана”. Оно взято из арсенала биологических терминов, где понимается как “тонкие пограничные структуры, расположенные на поверхности клеток и внутриклеточных частиц...; биологическая функция мембран: проницаемость клетки для различных веществ, транспорт продуктов обмена и др.”» (Луков В., Луков Вл., 2013: 115).

Далее переходим к описанию механизмов расширения тезауруса на примере ККФ. Мы предлагаем проанализировать этапы становления тезауруса с позиции теории информации. Тезаурусная теория и теория информации в нашем исследовании носят комплементарный характер, основанный на принципе дополтельности. В рамках нашей работы всю систему социокультурного пространства, законы его функционирования мы соотносим с законами функционирования информации, описанными в ряде работ российских ученых Н. А. Голицына и В. М. Петрова: «...в последние 20–25 лет... исследователи обратились к *теоретико-информационному подходу*, позволившему не только подойти к периодическим культурным процессам “строго модельно”, — но и разработать надлежащие измерительные процедуры» (Петров: Электронный ресурс). В рамках нашего исследования мы предлагаем использовать данную модель в качестве модели культурного пространства на примере ККФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Человек посредством ККФ взаимодействует с окружающей средой, порождая взаимную информацию. Учитывая транспарадигмальный характер современной науки, считаем, что применение в теории тезаурусно-информационного подхода к анализу коммуникативных формул позволит представить все многообразие данного феномена в упорядоченном структурированном виде, что существенно облегчит понимание сложных культурных явлений повседневности, отраженных сквозь призму коммуникации.

Мы полагаем, что расширение современного социокультурного пространства цивилизации осуществляется путем преодоления проницаемости тезаурусных мембран со стороны *чужого*, главным образом англосаксонского логоса. Отметим, что область *своего* также заинтересована в расширении номенклатуры собственных состояний. С развитием современных каналов коммуникации мы имеем дело с беспрецедентными попытками усилить проницаемость тезаурусных мембран. Экспансия во все лингвокультуры осуществляется со стороны англосаксонского логоса. Анализ сферы *своего* мы осуществляем на примере ККФ, зафиксированных во фразеологических словарях. Анализ сферы *чужого* и механизмов его проникновения мы осуществляем на материале постмодернистских языковых игр. Тезаурусный подход, где основные концепты «свое — чужое», в этом случае демонстрирует свою перспективность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алефиренко, Н. Ф., Семенов, Н. Н. (2009) Фразеология и паремология. М. : Флинта ; Наука. 344 с.
- Докинз, Р. (2013) Эгоистичный ген : пер с англ. М. : АСТ ; Corpus. 512 с.
- Захаров, Н. В. (2008) Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ. М. : Издательство Московского гуманитарного университета. 320 с.
- Ильинский, И. М. (2002) Образовательная революция. М. : Изд-во Моск. гуманит.-соц. академии. 592 с.
- Костина, А. В. (2008) Тезаурусный подход как новая парадигма гуманитарного знания // Обсерватория культуры. №5. С. 102–109.
- Кузнецова, Т. Ф. (2012) Культурная картина мира: теоретические проблемы. М. : ГИТР. 250 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2012) Тезаурусный подход для тувиноведения // Знание. Понимание. Умение. №2. С. 38–45.
- Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2008) Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 784 с.
- Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2013) Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 640 с.
- Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2014) Методология тезаурусного подхода: стратегия понимания // Знание. Понимание. Умение. №1. С. 18–35.
- Луков, В. А., Луков, С. В. (2012) Принцип тезаурусного расширения индивидуального межкультурного пространства // Тезаурусный анализ мировой культуры : сб. науч. трудов. Вып. 23 / под общ. ред. Вл. А. Лукова. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 79 с. С. 10–21.
- Луков, Вл. А., Соломатина, Н. В. (2005) Феномен Уайльда. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 216 с.
- Минюшев, Ф. И. (2009) Социология культуры. 2-е изд, испр. и доп. М. : КДУ. 254 с.
- Норманн, Б. Ю. (2011) Русский язык в задачах и ответах. М. : Флинта ; Наука. 384 с.
- Петров, В. М. Циклические социокультурные процессы: информационная модель и методы измерения качественных параметров [Электронный ресурс] // Ассоциация «История и компьютер». URL: <http://aik-sng.ru/text/krug/8/400-420.pdf> (дата обращения: 10.02.2013).
- Фесенко, О. П. (2009) Комплексное исследование фразеологии дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX века : дис. ... д-ра филол. наук. Томск. 451 с.
- Чалдини, Р. (2014) Психология влияния. 5-е изд. СПб. : Питер. 336 с.
- Alexander, C. J. (2003) The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. New York : Oxford University Press. 296 p.
- Cowie, A. P. (1988) Phraseology: Theory, Analysis, and Applications / ed. by A. P. Cowie. Oxford : Clarendon Press. 258 p.
- Hoffman, M., Lieberman, M. (2002) The Israeli Holocaust Against the Palestinians. Independent History and Research. 110 p.

Дата поступления: 16.06.2017 г.

CULTURAL AND COMMUNICATIVE FORMULAS
IN THE FRAMEWORK OF THE THESAURUS APPROACH

N. A. ZAVYALOVA

URAL FEDERAL UNIVERSITY NAMED AFTER THE FIRST PRESIDENT
OF RUSSIA B.N. YELTSIN, YEKATERINBURG

The article interprets the cultural and communicative formula (CCF) as a linguistic universal, a precedent text which exists in the cultural patterns. On the whole it represents common symbols which manifest socio-cultural dynamics. The article substantiates an understanding of phraseology which rests upon the thesaurus approach implying a subjective arrangement of knowledge and understanding of socially significant information.

The author analyses the CCF of China, Japan, Great Britain, the USA and Russia. The collocation is based on the principles of island («thalassocratic») and continental («tellurocratic») cultures. It is demonstrated that the CCF fulfills a number of socially significant functions: the semiotic function of the sign communicating socially significant experience of the representatives of different generations; the function of a unit of cultural patterns which establishes behavioral patterns, social conventions and cultural norms; a component of socialization and acculturation; a component of the representation of social identity; the function of the transmitter of ideological superstructures such as slogans; the function of determination of social practices by specifying social groups according to territorial, gender, age and professional functions; the function of recursiveness of social experience implemented by accumulation and transmitting of socially significant knowledge; a number of functions determined by modern communications, such as informative, educational, regulatory, socially-manipulative, statutory and recreational; the adaptive function of the stereotypical guideline.

Considering the trans-paradigm character of contemporary science, the author emphasizes the fact that the application in theory of the thesaurus-informational approach to analyse communicative formulas will make it possible to present the whole multitude of the given phenomenon in an organized, structured way. This will considerably facilitate the understanding of complex cultural phenomena of the everyday, reflected through the prism of communication.

Keywords: cultural and communicative formulas; phraseology; socio-cultural space; thesaurus approach; cultural studies

REFERENCES

- Alefrenko, N. F. and Semenenko, N. N. (2009) *Frazeologiya i paremiologiya*. Moscow, Flinta ; Nauka. 344 p. (In Russ.).
- Dokinz, R. (2013) *Egoistichnyi gen* : transl. from English. Moscow, AST ; Corpus. 512 p. (In Russ.).
- Zakharov, N. V. (2008) *Sbeksprizm russkoi klassicheskoi literatury: tezaurusnyi analiz*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 320 p. (In Russ.).
- Il'inskii, I. M. (2002) *Obrazovatel'naiia revoliutsiia*. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit.-sots. akademii. 592 p. (In Russ.).
- Kostina, A. V. (2008) Tezaurusnyi podkhod kak novaia paradigma gumanitarnogo znaniia. *Observatoriia kul'tury*, no. 5, pp. 102–109. (In Russ.).
- Kuznetsova, T. F. (2012) *Kul'turnaia kartina mira: teoreticheskie problemy*. Moscow, GITR. 250 p. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2012) Tezaurusnyi podkhod dlia tuvinovedeniia. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 38–45.
- Lukov, V. A. and Lukov, Vl. A. (2008) *Tezaurusy: Sub»ektnaia organizatsiia gumanitarnogo znaniia*. Moscow, Izd-vo Nats. in-ta biznesa. 784 p. (In Russ.).
- Lukov, V. A. and Lukov, Vl. A. (2013) *Tezaurusy II: Tezaurusnyi podkhod k ponimaniiu cheloveka i ego mira*. Moscow, Izd-vo Nats. in-ta biznesa. 640 p. (In Russ.).
- Lukov, V. A. and Lukov, Vl. A. (2014) Metodologiya tezaurusnogo podkhoda: strategiiia ponimaniia. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 18–35. (In Russ.).
- Lukov, V. A. and Lukov, S. V. (2012) Printsip tezaurusnogo rasshireniia individual'nogo mezhkul'turnogo prostranstva. In: *Tezaurusnyi analiz mirovoi kul'tury* : sb. nauch. trudov. Vol. 23 /ed. by Vl. A. Lukov. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta. 79 p. Pp. 10–21. (In Russ.).
- Lukov, Vl. A. and Solomatina, N. V. (2005) *Fenomen Uail'da*. Moscow, Izd-vo Nats. in-ta biznesa. 216 p.
- Miniushev, F. I. (2009) *Sotsiologiya kul'tury*. 2nd ed. Moscow, KDU. 254 p. (In Russ.).
- Normann, B. Iu. (2011) *Russkii iazyk v zadachakh i otvetakh*. Moscow, Flinta ; Nauka. 384 p. (In Russ.).
- Petrov, V. M. Tsiklicheskie sotsiokul'turnye protsessy: informatsionnaia model' i metody izmereniia kachestvennykh parametrov. *Assotsiatsiia «Istoriia i komp'uter»* [online] Available at: <http://aik-sng.ru/text/krug/8/400-420.pdf> (access date: 10.02.2013). (In Russ.).

Fesenko, O. P. (2009) *Kompleksnoe issledovanie frazeologii družbeskogo epistolarnogo diskursa pervoi treti XIX veka* : Dis. ... Doctor of Philology. Tomsk. 451 p. (In Russ.).

Chaldini, R. (2014) *Psikhologiya vlianiia*. 5nd ed. St. Petersburg, Piter. 336 p. (In Russ.).

Alexander, C. J. (2003) *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. New York, Oxford University Press. 296 p.

Cowie, A. P. (1988) *Phraseology: Theory, Analysis, and Applications* / ed. by A. P. Cowie. Oxford, Clarendon Press. 258 p.

Hoffman, M. and Lieberman, M. (2002) *The Israeli Holocaust Against the Palestinians*. Independent History and Research. 110 p.

Submission date: 16.06.2017.

Завьялова Наталья Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Адрес: 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. Тел.: +7 (343) 375-44-44. Эл. адрес: N.A.Zavialova@urfu.ru

Zavyalova Natalya Alekseevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. Postal address: 19, Mira St., Yekaterinburg, Russian Federation 620002. Tel.: +7 (343) 375-44-44. E-mail: N.A.Zavialova@urfu.ru